

Сумароков (1718—1777), написавший кроме массы стихотворений и басен, имеющих действительную литературную ценность, значительное количество трагедий и комедий, сыграл важную роль в развитии русской драмы. В своих трагедиях он подражал Расину и Вольтеру. Он строго следовал правилам о «единстве» и был еще более, чем его французские учителя, беззаботен насчет соблюдения исторической правды; но он не обладал их великим талантом, и его герои являются лишь олицетворениями известных добродетелей и пороков — безжизненными фигурами, произносящими бесконечные напыщенные монологи. Некоторые из его трагедий («Хорев», написанный в 1747 году, «Синав и Трувор», «Ярополк и Дилица», «Дмитрий Самозванец») основаны на сюжетах, взятых из русской истории; но во всех этих героях было столь же мало славянского, как и в героях Расина было мало греческого или римского. Необходимо, впрочем, сказать, что Сумароков всегда проводил в своих трагедиях наиболее передовые, гуманитарные идеи того времени — иногда с истинным чувством, пробиравшимся даже сквозь условные формы речей его героев. Что же касается до его комедий, то, хотя они и не имели того успеха, каким пользовались его трагедии, они гораздо ближе к жизни. В них разбросано немало черточек, изображающих действительную жизнь тогдашней России, особенно московского дворянства, и сатирический характер этих комедий, несомненно, имел влияние на следовавших за Сумароковым писателей.

Княжнин (1742—1791), подобно Сумарокову, переводил трагедии с французского, а также написал несколько трагедий подражательного характера; причем сюжеты некоторых из них были взяты из русской истории («Рослав», 1784; «Вадим Новгородский» — эта трагедия была напечатана лишь после его смерти и немедленно уничтожена по распоряжению правительства ввиду ее свободолобивых тенденций).

Озеров (1769—1816) продолжал работу Княжнина, но внес в псевдоклассическую трагедию сентиментальный и романтический элементы («Эдип в Афинах», «Смерть Олега»). Несмотря на все их недостатки, его трагедии пользовались продолжительным успехом и в значительной степени способствовали развитию как самой сцены, так и серьезного вкуса среди посетителей театра.

Одновременно с трагедиями те же авторы и их последователи написали ряд комедий («Хвастун» и «Чудаки» Княжнина), и хотя в большинстве случаев это были простые подражания французским образцам, тем не менее на сцену начали проникать сюжеты, взятые из русской обыденной жизни. Уже Сумароков сделал кое-что в этом направлении; за ним следовала Екатерина II, которой принадлежит несколько сатирических комедий, изображавших окружающую ее среду (как, напр., «Именины госпожи Ворчалкиной»), и комическая опера из русской народной жизни. Она едва ли не первая ввела русского крестьянина на театральные подмостки. Нужно отметить, что вкус к «простонародному» на сцене быстро развился — комедии «Мельник» Облесимова и «Сбитеньщик» Княжнина и др., с сюжетами из народной жизни, одно время были любимыми пьесами и пользовались громадным успехом.

О Фонвизине я уже говорил в одной из предыдущих глав; здесь же напомним только, что, как автор двух комедий, «Бригадир» (1768) и «Недоросль» (1782), которые не сходили со сцены до половины XIX столетия, он может быть рассматриваем как родоначальник реальной сатирической комедии в России. «Ябеда» Капниста и несколько комедий великого баснописца Крылова относятся к той же категории.

Первые годы девятнадцатого столетия

В течение первых тридцати лет XIX столетия русский театр развивался с замечательным успехом. На московской и петербургской сценах появился ряд талантливых и оригинальных актеров и актрис как в области драмы, так равно и комедии. Количество драматических писателей настолько возросло, что все формы драматического искусства могли развиваться одновременно. Во время наполеоновских войн театр был заполнен патриотическими трагедиями, которые изобиловали намеками на современные события, как, например, «Дмитрий Донской» (1807) Озерова. Но, несмотря на это, ложноклассическая трагедия продолжала держаться на сцене. Появились лучшие переводы и подражания Расину (Катенина, Кокошкина), и они пользовались известным успехом, в особенности в Петербурге, главным образом благодаря хорошим трагическим актерам декламаторской школы. В то же время громадный успех имели переводы из Коцебуи произведения его сентиментальных подражателей.

Романтизм и псевдоклассицизм вели, конечно, между собой такую же борьбу за обладание сценой, как и в области поэзии и романа; но вследствие духа времени, а также под влиянием Карамзина